

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.39>

Чудинов Сергей Иванович, Соина Ольга Сергеевна

НИГИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ И ЭКСТРЕМИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА "БЕСЫ")

В статье рассматриваются социально-философские и философско-антропологические аспекты нигилизма как социокультурной и духовной основы формирования среды революционного подполья и экстремистского сознания на материале романа Ф. М. Достоевского "Бесы". На основе произведения рассматриваются последствия нигилизма в среде русской леворадикальной интеллигенции, его связь с антропологическим распадом, формированием нигилистического человека и экстремистским сознанием. Предлагаются типологизация нигилистических личностей революционного подполья и анализ структуризации социальных отношений между ними.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/10/39.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 10. С. 197-201. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

4. Впервые выдвинуто положение о том, что «культура рациональности» и этос герменевтики, социальные по своей сути, могут стать этосными установками и принципами современной постнеклассической науки. Современная эпистемология позиционируется как социальная эпистемология. Полагаем, что одним из ее разделов может стать этическая эпистемология.

Список источников

1. **Касавин И. Т.** Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 557 с.
2. **Кутырёв В. А.** Человеческое и иное: борьба миров. М.: Директ-Медиа, 2014. 295 с.
3. **Лазар М. Г.** Этос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 4. С. 124-139.
4. **На пути к неклассической эпистемологии** / отв. ред. В. А. Лекторский. М.: ИФ РАН, 2009. 237 с.
5. **Огурцов А. П.** От нормативного Разума к коммуникативной рациональности // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. С. 54-81.
6. **Порус В.** Этика науки в структуре философии науки // Высшее образование в России. 2007. № 8. С. 137-147.
7. **Фейерабенд П.** Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125-466.
8. **Философия науки.** М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 11. Этос науки на рубеже веков. 341 с.
9. **Швырев В. С.** Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности: в 2-х т. / под ред. В. А. Лекторского. М.: ИФ РАН, 1995. Т. 1. С. 7-29.
10. **Этос науки** / отв. ред. Л. П. Киященко и Е. З. Мирская. М.: Academia, 2008. 544 с.

**SOCIAL MEANING OF MORAL DIMENSION OF SCIENCE:
FROM ETHICAL INDIFFERENCE TO ETHOS OF HERMENEUTICS**

Saikina Guzel' Kabirovna, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Krasnov Anton Sergeevich, Ph. D. in Philosophy
Kazan (Volga Region) Federal University
gusels@rambler.ru; anton-krasnov1987@yandex.ru

The article identifies epistemological causes of ethical indifference / ethical load of science conditioned by historical peculiarities of understanding the truth, subject and object of scientific activity. Developed within the purpose-oriented logic, a classical model of an extra-social subject of cognition abandoned the ethical component as a regulator of interpersonal relations. Taking into account modern understanding of truth as communicativeness and inter-subjectivity, the author introduces the concept "ethos of hermeneutics", which, along with "culture of rationality", should become one of the basic principles of ethos of science. The paper argues for the necessity to constitute ethical epistemology as a branch of social epistemology.

Key words and phrases: moral dimension; ethics; science; social institution; rationality; epistemology; culture; ethos of hermeneutics.

УДК 101.1:316

Дата поступления рукописи: 17.07.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.39>

В статье рассматриваются социально-философские и философско-антропологические аспекты нигилизма как социокультурной и духовной основы формирования среды революционного подполья и экстремистского сознания на материале романа Ф. М. Достоевского «Бесы». На основе произведения рассматриваются последствия нигилизма в среде русской леворадикальной интеллигенции, его связь с антропологическим распадом, формированием нигилистического человека и экстремистским сознанием. Предлагаются типологизация нигилистических личностей революционного подполья и анализ структуризации социальных отношений между ними.

Ключевые слова и фразы: философия Ф. М. Достоевского; экстремизм; нигилизм; нигилистическая личность; антропологический распад.

Чудинов Сергей Иванович, к. филос. н., доцент

Соина Ольга Сергеевна, д. филос. н., профессор

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Новосибирск
personally@ngs.ru; sabirov-soina@211.ru

**НИГИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЛИЧНОСТИ И ЭКСТРЕМИСТСКОЕ СОЗНАНИЕ
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕСЫ»)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001.

Несмотря на значительный академический интерес к экстремизму как острой социальной проблеме, в современном социально-гуманитарном знании сложилась ситуация, в которой данная тематика фактически оказалась ограничена рамками узкого социологического подхода. При этом понимание экстремизма в плане

мотивации и особенностей мировосприятия участников экстремистской деятельности требует философского анализа социокультурных процессов и трансформаций ценностного сознания и мировоззрения человека, приводящих его к деструктивной социальной активности. Недооцененным источником возможных теоретических изысканий в данном направлении является художественная литература.

Знаменитое произведение Ф. М. Достоевского «Бесы», глубоко объяснившее мотивационную основу и предсказавшее практические плоды зарождающегося революционного движения в монархической России 1860-1870-х гг., подвергалось различным герменевтическим штудиям с позиции прояснения его социально-философского и философско-антропологического смысла. Однако это произведение ранее не рассматривалось в качестве «ключа» для понимания экстремистского сознания и типологии личностей участников экстремистского движения. Это и станет **целью** нашего анализа данного произведения.

Исследование философского содержания «Бесов» в контексте вопросов, близких нашей проблематике, предпринималось различными учеными, среди которых мы выделим несколько авторов, чьи выводы послужат опорой в нашем рассмотрении. Рене Жирар анализирует это произведение сквозь призму концепций «двойственности» и «подполья» [3]. Диво Барсотти рассматривает «человеческий мир» пяти великих романов Достоевского (включая «Бесов») в свете христианской духовности и взаимоотношений человека и Бога [1]. Романо Гвардини рассматривает персонажи романа в рамках темы антропологического завершения ценностных и философских ориентаций мировоззрения Нового времени, выраженного в особом соотношении конечного бытия и абсолютно-го [9]. В качестве основы наших изысканий мы будем также использовать исследование О. С. Соинной и В. Ш. Сабирова, в котором рассматривается типология «падших сознаний» в творчестве великого писателя [6].

Научная новизна представленного ниже исследования заключается в попытке раскрыть содержание романа Достоевского, связав проблему экстремизма и социальной реальности экстремистского подполья (на примере леворадикального революционного движения в России второй половины XIX в.) с темами нигилизма и трансформаций человека и радикализации его мировосприятия.

Дело в том, что все разнообразные ракурсы рассмотрения философской сути романа так или иначе сходятся в одной точке: они могут быть объединены под общей рубрикой аберрации ценностного сознания и *«антропологического распада»*. Последний же следует вписать в более широкий контекст *нигилизма* как фундаментального социокультурного процесса, создавшего предпосылки для подобных трансформаций человека. Жирар называет нигилизм «источником всех идеологий» [3, с. 96], которые мы можем встретить в тайном обществе, изображаемом Достоевским. Нигилизм создает основу мировоззрения «бесноватых» постольку, поскольку именно он является «источком всех подпольных разделений и любых противопоставлений» [Там же].

Нигилизм как философское понятие во всей его полноте и сложности впервые был раскрыт в философии Ницше, поэтому следует кратко обрисовать его контуры в данной системе ценностных и онтологических координат.

Для Ницше нигилизм – это переоценка высших ценностей, состояние европейского сознания, когда метафизика (ее основа заключается в христианстве) терпит крах. Нигилизм есть «логика декаданса» [4, с. 48], его внутренний механизм. Декаданс, в свою очередь, означает процесс разложения общества. Это естественный процесс в смысле отрицания отдельных частей и регулярного обновления, который может приобрести патологический характер, когда общественная система утрачивает устойчивость. Ницше уподобляет последнюю форму «занесению заразы в здоровые части организма» [Там же, с. 47]. Он считает, что в Европе этот процесс начался с распространением этики гуманизма и альтруизма в ее различных идеологических вариациях (романтизм, утилитаризм, социализм, анархизм и пр.). В трагических последствиях декаданса и нигилизма он ложно обвиняет историческое христианство, которое он трактует как исключительно моральный феномен [Там же, с. 143] (в целях краткости мы не будем углубляться в дискуссии по этому предмету). Немецкий философ обнаруживает также «физиологическую» основу декаданса [Там же, с. 48]. Под физиологией здесь имеются в виду инстинкты, исправное функционирование которых и их интегрированность, совместное, слаженное действие в одном субъекте и признается за норму здоровья. Распространение слабой воли, которая трактуется как «множественность и разорванность инстинктов, невнятность объединяющей их системы» [Там же, с. 49], приводит к декадансу как социальному явлению.

Как известно, Ницше классифицировал нигилизм в виде его различных проявлений и форм. Среди последних он выделял две: неполный (частичная переоценка высших ценностей и их возврат в виде новых «кумиров») и полный нигилизм [Там же, с. 40-42]. Вторая форма, означающая бесповоротный отказ от каких-либо метафизических ценностей, непосредственно связана с антропологическим идеалом Ницше – сверхчеловеком, который, выйдя за границы «добра и зла» (общепринятой морали), сам становится «центром», устанавливающим систему ценностей. В нашем исследовании мы оставим за скобками достоинства и недостатки антропологической концепции Ницше, нас будет интересовать, какие траектории развития обнаруживает нигилизм в радикализованном сознании сообщества революционного подполья, реалистично изображенного Достоевским.

В своем романе писатель не только глубоко анализирует мотивацию и идеологическое сознание членов тайного революционного общества, но также показывает его организационную структуру и внутреннюю социальную иерархию.

Члены тайного общества делятся на тех, кто манипулирует рядовыми членами, (лидеры или руководители) и тех, кто охотно соглашается на роль марионеток, («исполнители»), но марионеток, как правило, своеобразных и рефлексирующих, которые различным образом осмысливают свою социальную и историческую роль и изобретают разные способы идеологического обоснования своего участия в революционном деле.

Среди тех, кого можно отнести к «руководителям», имеется как минимум два типа – харизматический лидер, идейно воодушевляющий и формирующий мотивацию, (Ставрогин) и практик-«модератор» революционной деятельности (Верховенский). Однако все участники подполья вне зависимости от своей роли представляют разнообразные виды экстремистского сознания, поскольку, несмотря на масштаб своей деятельности, настроены социально деструктивно. Экстремизм в данном виде в большей степени носит мировоззренческий характер. К примеру, нельзя не заметить за провоцирующими действиями Ставрогина и его соратников одержимость стремлением к разрушению того социума, в котором они существуют. Но в сфере практического действия мы встречаем единственный акт насилия, который носит политическую окраску, – это убийство Шатова.

Среди лидеров и рядовых членов революционного подполья мы встречаем в романе Достоевского целый ряд совершенно различных типов нигилистической личности, каждый из которых воплощает собой ту или иную траекторию развития нигилистического сознания и его радикализации. В своем рассмотрении мы остановимся только на наиболее репрезентативных в контексте нашей темы образах этой галереи.

Все комментаторы романа сходятся в едином мнении, что центральная фигура, вокруг которой вращаются все события «Бесов», – это Николай Ставрогин. Он представляет собой отдельный тип лидера тайного общества. Все остальные члены общества почитают его как человека, который способен их возглавить (хотя он сам ничуть не стремится к руководству), и даже создали вокруг него своеобразный «культ», несущий явные религиозно-мессиянские коннотации. Жирар говорит о том, что Ставрогин не только являет (вместе с Петром Верховенским) «дух разрушения», но «узурпирует в обществе “бесноватых” место Христа» [3, с. 81]. Что это за личность, и какие качества позволяют ему добиться такого положения?

Во многих аспектах Ставрогин – пограничная личность. Он занимает промежуточное положение среди различных типов нигилистической личности, не воплощая собой, как ни странно, ни одной из крайностей этого спектра. С одной стороны, он не принадлежит к представителям носителей аберрационного нравственного сознания, которые связаны с неполным нигилизмом или же с сорвавшейся попыткой социального воплощения активно-разрушительного и полного нигилизма. С другой стороны, его нельзя отнести к полностью раскрывшемуся идеалу сверхчеловека (преодолевшего все социальные и моральные конвенциональные формы жизни и чувство совести), хотя несомненно, что среди всех членов подполья он ближе всего подошел к этому ницшеанскому идеалу. Также он не является полностью развоплощенной человеческой личностью, которая уже выходит за грани человечности и сливается с демоническим началом.

По сути, он занимает промежуточное положение между экзистенциальностью жизни и смерти. Он ощущает, что его бытие не является подлинным, но его дух скован гордыней и чувством иллюзорного могущества, которое ему дает асоциальное и социально-деструктивное поведение. Его нигилистическая душа требует постоянного аффицирования (термин Б. Хюбнера [7]), эмоциональной встряски, чтобы он мог вновь ощутить связь с жизнью, вернее, удовлетвориться эрзац-формами личностной жизни. Гвардини характеризует личность Ставрогина через метафору «нерастопляемой глыбы льда». Барсотти считает, что такой тип человека охарактеризован в «Откровении Иоанна» как «ни тепл, ни горяч», «а таких Бог извергает из уст Своих». «Глыбой льда» он именуется Верховенского [1, с. 70]. Однако в любом случае речь идет о степени бесчувственности и «омертвелости» личности, в которой сердце как душевный орган перестает функционировать. Гвардини утверждает: «Лишь благодаря сердцу дух и тело обретают подлинную возможность жить. Лишь благодаря сердцу “дух” обретает душу, а организм – тело, и только тогда возникает человеческая жизнь, с ее блаженством и ее болью... Но у Ставрогина нет сердца, поэтому дух его холоден и опустошен, а тело отравлено ядом бездеятельности и “звериной” чувственности» [9, с. 173].

Сам Ставрогин отдает себе отчет в своей холодности и равнодушии, что приводит его к отчаянию, но он ничего не может с собой поделать [Там же, с. 172]. Его социальное поведение может быть описано через понятия инертности, тотального равнодушия, бесчувственности (неспособности подлинно ощутить радость или боль). Его можно также охарактеризовать как молчаливого в отношении внутренних идеологических позиций – он скрывает свои подлинные убеждения, с каждым из собеседников репрезентируя то «лицо», которое тот ожидает.

В философском исследовании «падших сознаний» в творчестве Достоевского О. С. Соина и В. Ш. Сабиров показывают, что не «выпадение» сердца формирует структуру нигилистической личности, но аберрация разума. При этом обнаруживается три типа падшести человека (описанные Достоевским), связанные с «поражением» духовным недугом различных частей антропологического состава человека, – падшесть ума, падшесть сердца и падшесть воли [6, с. 21]. Сознание Ставрогина и других нигилистических личностей «Бесов» авторы ассоциируют в первую очередь с первым из этих недугов, приводящим к «интеллектуальной мономании», крайне распространенной в среде русской леворадикальной интеллигенции в XIX–XX вв. [9, с. 23]. Падший ум – это «обезбоженный ум», который «поверил в себя, осознал свои преимущества и из этого самодовольства извлек особую изощренную гордыню, новый вид самоуспокоения...». Для такого ума привлекательным становится уже не обладание материальными благами, но власть над душами людей, выражающаяся в «изобретательстве все более и более утонченной интеллектуальной тирании» [Там же, с. 22].

В образе Ставрогина вырисован такой тип нигилистической личности, который, несмотря на свою социальную инертность, обретает харизматическую власть в среде экстремистского подпольного сообщества. Его иллюзорная бесстрастность, а также способность как бы встать над всем социумом, разорвать ткань социальных конвенций и нравственных ограничений делают его лидером в этой среде и объектом почитания.

Однако при этом в Ставрогине утрачен личностный облик. В контексте антропологического распада нигилистической личности Ставрогина Гвардини говорит следующее: «Когда в образе человека начинает

преобладать механическое или звериное начало, возникает опасность демонического, угроза распада личности» [Там же, с. 166]. Ставрогин и находится на грани выпадения в формы существования безжизненного и разрушительного механизма (на уровне телесном) и доминирования доличностных инстинктов (на уровне душевном).

Лидерство его тоже своеобразного качества. Поскольку его разум демонизирован, а сердце «не живет», что приводит к дистанцированию как от других, так и от самого себя, его идентичность и цельность потеряны [Там же]. Все остальные персонажи революционного подполья – проявления одного из аспектов его натуры, но он сам не есть цельность. В этом и заключается его функция как лидера – «лепить лица других» [Там же, с. 174-175].

Петр Верховенский, в отличие от харизматичного Ставрогина, занимающего пассивную позицию, представляет собой лидера, который ведет все практические дела. Он – главный организатор революционного дела. Но вся его деятельность построена на лжи и циничной манипуляции другими, служащей единственной целью – разрушению. Все социальные отношения, которые он организует, не имеют подлинной онтологической основы (любви и других подлинных человеческих чувств), но вытекают из разного рода внешней зависимости, шантажа и обмана. Его действия служат деструкции естественно сложившихся социальных отношений и структуры социума, но взамен создают лишь фальшивые и недолговечные социальные связи.

Верховенский не претендует на власть, роль предводителя он оставляет за Ставрогиным. В отличие от последнего он живет страстью и служит идее. Но вся его деятельность и программа сводятся к разрушению установленного порядка. Приведем слова Барсотти: «В его программе нет ничего положительного, у него нет нового порядка в противоположность или взамен старому. Петру угодно разрушение ради разрушения, зло ради зла» [1, с. 74]. В Верховенском не только «ампутировано» сердце, а разум служит фанатичной идее, антропологический распад здесь достигает максимальной точки, поскольку его образ теряет человеческие черты. Неудивительно, что Барсотти называет его «самым демоническим существом во всем творчестве Достоевского» [Там же].

Среди «исполнителей» тайного общества выделяются две фигуры – Шатов и Кирилов.

Шатов – наиболее живая в экзистенциальном смысле личность из всех персонажей революционного подполья, поскольку у него не отнято чувство любви, а значит, функционирует сердце. Его жизненный путь показывает, что он способен простить свою жену, которая уходила от него к Ставрогину и родила от последнего ребенка. Для Ставрогина он в некотором смысле выступает объективацией совести. Именно он наиболее откровенно обличает Ставрогина и даже побуждает его к попытке исповедоваться перед святым человеком – Тихоном. Его идеология есть не что иное, как аберрация экзальтированного чувства любви, направленная на гипостазированный объект в виде «народа-богоносца».

В нем нигилистический процесс идет на попятную, возвращаясь отчасти к предыдущей ступени ценностного сознания – возрождению высших ценностей в виде кумира народа и концентрации на духовной установке любви к ближнему, переосмысленной в виде жертвы личной жизнью во благо общественное (радикальный альтруизм). Он олицетворяет собой тип человека неполного нигилизма, характерного для среды революционной интеллигенции России второй половины XIX в. Его вера – это гротескная версия народничества, где его идеологические предпосылки доведены до логического конца (народ открыто объявляется Богом). Переосмысленные христианские идеалы им не покинуты, и даже Бог, воспринимаемый то пантеистически, то в качестве Бога-Творца, но идеологически отвлеченно (его неуверенный ответ на прямой вопрос Ставрогина: «Я... я буду веровать в Бога» [2, с. 322]), сохранил определенное место в системе его мировоззренческих координат. Здесь мы наблюдаем и моральное, и антропологическое основание (предпосылки, укорененные в нравственном сознании и душевно-духовной структуре) экстремистского сознания жертвенного типа с ярко выраженными квазирелигиозными интенциями.

В образе Шатова можно обнаружить предвосхищение вполне определенного типа личности, готовой для функции исполнителя террористической деятельности революционного подполья. Его важнейшей чертой выступает жажда жертвенности. Впоследствии в среде революционного народничества появилось множество ярких исторических примеров такого типа человека. Это и не потерявший связь с христианской верой и эстетически глубоко переживающий жизнь «Поэт» Иван Каляев, и остро ощущающий моральную ответственность за товарищей («за малых сих») и сознание греха Егор Сазонов, и готовая принести в жертву даже собственное «моральное чувство» Маруся Беневская и прочие [8, с. 74-78]. В повести небезызвестного руководителя Боевой организации эсеров Савинкова такой тип исполнителя революционного террора описан в образе Вани [5].

Другой образ человека революционного подполья воплощает собой Кирилов.

Кирилов – создатель (с подачи Ставрогина) религии человекобожества, которая логически замыкается в идее самовольного самоубийства. Личность этого персонажа «Бесов» воплощает собой неудавшуюся попытку дойти до предела нигилистического отрицания метафизических оснований бытия и насильственной переплавки человека в сверхчеловеческое существо, поднявшееся над категориями Абсолюта, страха боли в здешнем мире и страха неизвестности мира потустороннего. Это срыв воплощения сверхчеловеческого идеала вследствие переоценки сил личности, неудача переноса центра бытия в собственное Эго. Экстремистский компонент сознания здесь обращен целиком на себя, к самой личности, превращаясь в ее самодеструкцию.

Несмотря на внешне сверхчеловеческую задачу идеологии Кирилова и ее боготоржеский пафос, форма ее выражения и уж тем более попытка практического воплощения этой «теории» свидетельствуют о внутреннем надрыве, неспособности преодоления прежней метафизики и экзистенциального страха перед Ничто. Страсть

разрушения оков прежней метафизики – вот подлинный нерв идеологии «мистического атеизма» Кирилова. Впрочем, Ницше, пожалуй, отнес бы такой тип нигилистической личности скорее не к «сильным духом», а к истощенным, реакция которых на переоценку ценностей приводит к стремлению разрушить весь мир, который стал вдруг тотально бессмысленным и бесцельным. Реакция такого человека – «не пассивно согнуться, но довести до гибели все, что в такой степени бессмысленно и бесцельно» [4, с. 58]. Сильный духом нигилист, по Ницше, не нуждается в «крайних догматах веры», он не только допускает «добрую долю случайности и бессмысленности», но любит ее, и, наконец, он размышляет о человеке, «значительно ограничивая его ценность», при этом не чувствуя себя ни приниженным, ни слабым [Там же, с. 59].

Внешне социально пассивный Кирилов в своей нигилистической «теории» проявляет ярко выраженные мессианские оттенки, указывающие на далеко идущие ожидаемые антропологические и социальные последствия планируемого акта самодеструкции: «Но я заявляю своеволие... Я начну, и кончу, и дверь открою. И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически» [2, с. 625].

Религиозное чувство в данном экстремистском сознании не изжито, но проявляется в виде аберрации веры, значительно отличающейся от шатовской. Гвардини усматривает в личности Кирилова, несмотря на его «мистический атеизм», интенсивное ощущение связи с Богом. Однако эта связь выражается в негативно-отталкивающим отношении к Богу. Кирилову свойственно обостренное переживание религиозных ценностей и чувства совести, но его внутреннее самоистязание трансформируется «в адресованный себе запрет ощущать себя чадом Божиим» [9, с. 137]. В его сознании произошел раскол «конечного» бытия и «абсолютного», причем первое вступает в экзистенциальную борьбу со вторым, отстаивая свою автономность. Предмет вождения (абсолютное) приобретает черты враждебности и внушающей ужас власти [Там же, с. 143]. Жиран в свою очередь углубляет это противостояние, считая, что в мировоззрении Кирилова наивысшей кульминации достигает «подпольная двойственность» – в качестве соперника, одновременно почитаемого и ненавидимого, избирается Искупитель (Христос). Кирилов, по его мнению, не стремится участвовать в деле спасения, но пытается его исправить [3, с. 98]; а значит, перенимает на себя сверхчеловеческую миссию.

Как мы можем **заключить**, Достоевский в своем романе, посвященном зарождающемуся революционно-подполью в России второй половины XIX в., представил глубокий анализ социокультурных и духовных предпосылок нигилистической личности и типологизацию экстремистского сознания руководителей и исполнителей этого подполья, что иллюстрируется целой галереей колоритных образов. Каждый из персонажей «Бесов» персонифицирует различные траектории развертывания нигилизма в сознании человека. Однако же между ними можно обнаружить и общее сходство. Это одержимость «интеллектуальной мономанией» (см. выше. – С. Ч., О. С.), возникающей на фоне антропологического распада – разлада и дезинтеграции иерархии духовно-душевно-телесной конституции человека и душевных органов (сердца, разума и воли).

Список источников

1. Барсотти Д. Достоевский. Христос – страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 9-ти т. М.: Астрель; АСТ, 2003. Т. 5. Бесы. 844 с.
3. Жиран Р. Достоевский: от двойственности к единству. М.: ББИ, 2013. 162 с.
4. Ницше Ф. Воля к власти. М. – Х.: Эксмо; Фолио, 2003. 860 с.
5. Ропшин В. (Савинков Б. В.) Конь бледный. Ницца: Изд. М. А. Туманова, 1913. 144 с.
6. Соина О. С., Сабиров В. Ш. Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского: монография. М.: Флинта; Наука, 2015. 312 с.
7. Хюбнер Б. Произвольный этос и принудительность эстетики / пер. с нем. Мн.: Профили, 2000. 152 с.
8. Чудинов С. И. Терроризм как социокультурный феномен: социально-философский анализ: монография. Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2007. 204 с.
9. Эон. Альманах старой и новой культуры / РАН; ИНИОН; Центр гуманитарных науч.-информ. исслед.; Отдел культурологии; отв. ред. Р. А. Гальцева М., 2009. Вып. 9. Романо Гвардини. Человек и вера. Исследование религиозной экзистенции в больших романах Достоевского. Конец Нового времени. Попытка найти свое место. 300 с.

NIHILISTIC TYPES OF PERSONALITY AND EXTREMIST CONSCIOUSNESS IN F. M. DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORK (BY THE MATERIAL OF THE NOVEL "DEMONS")

Chudinov Sergei Ivanovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Soina Olga Sergeevna, Doctor in Philosophy, Professor

Siberian State University of Telecommunications and Information Science, Novosibirsk
personally@ngs.ru; sabirov-soina@211.ru

By the material of F. M. Dostoevsky's novel "Demons", the article examines socio-philosophical and philosophical-anthropological aspects of nihilism as a sociocultural and spiritual basis of revolutionary underground and extremist consciousness. The authors examine the consequences of nihilistic attitude among the Russian radical left-wing intelligentsia, its interrelation with anthropological degradation, formation of a nihilistic human and extremist consciousness. The paper proposes a typologization of nihilistic personalities of revolutionary underground and analyses the structure of social relations between them.

Key words and phrases: F. M. Dostoevsky's philosophy; extremism; nihilism; nihilistic personality; anthropological degradation.